

Проклятие ледяного принца

Данна Леднива

Данна Леднива

Проклятие ледяного принца

«Автор»

2026

Леднива Д.

Проклятие ледяного принца / Д. Леднива — «Автор», 2026

Элария умерла на костре — и очнулась в день своего восемнадцатилетия. У неё есть три дня, чтобы спасти брата, дар целительницы, за который сжигают, и память о прошлой жизни, где все, кого она любила, погибли. Её единственный союзник — принц Кассиан, «Ледяной клинок», холодный наследник с проклятием в груди. Он ищет исцеления. Она ищет мести. Но чем ближе они к правде, тем яснее: за проклятием принца и кровью Эларии охотится герцог, готовый выпустить древнюю Тень. Она вернулась не для того, чтобы снова стать пешкой. Она вернулась, чтобы победить.

© Леднива Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и пробуждение	5
Глава 2. Бал и ледяной клинок	10
Глава 3. Охота и сделка	14
Кассиан	14
Элария	17
Глава 4. Семейный ужин и тень прошлого	20
Глава 5. Яд для двоих	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Данна Леднива

Проклятие ледяного принца

Глава 1. Пепел и пробуждение

Огонь всегда приходит за ней.

Элария помнит это ощущение: сначала тепло, почти ласковое, потом боль, которая стирает всё. Помнит, как пламя лизало подол её платья, как ткань чернела и скручивалась, как дым забивал лёгкие. Помнит лица, которые смотрели на неё сквозь марево: мачеха с торжествующей улыбкой, герцог Кроу с холодным равнодушием, священник, бормочущий молитву. Никто не отвернулся. Никто не заплакал.

Она помнит голос мачехи — сладкий, как гнилой мёд:

— Так заканчивают все, кто пытается играть не свою роль.

И помнит свой последний вздох. Не крик. Просто тишину. Пепел.

А потом — темнота.

Элария открыла глаза.

Потолок был знакомым: лепнина в виде виноградной лозы, трещина у левого угла, паутина, которую никто не убирал уже месяц. Она смотрела на эту трещину сотни раз в детстве. И в прошлой жизни — тоже. Но тогда она была старше. Тогда у неё было изуродованное лицо и сломанная душа.

Сейчас руки, лежащие поверх одеяла, были гладкими. Без шрамов. Без следов ожогов. Ногти — чистые, розовые. Кожа — нежная, как у девушки, которая никогда не знала нищеты.

Элария села рывком. Сердце колотилось где-то в горле. Она огляделась: своя спальня в доме Нордвудов. Тот же комод с отломанной ручкой, тот же гобелен с охотничьими псами, то же окно, за которым занимался рассвет. На столике у кровати — маленькое зеркало в серебряной оправе.

Она схватила его.

Из отражения на неё смотрела восемнадцатилетняя девушка. Бледное лицо, тёмные волосы, рассыпавшиеся по плечам, серо-голубые глаза, в которых застыл ужас. Ни шрама через левую щёку. Ни обвисшей кожи. Ни седых прядей, которые появились после монастыря. Просто юная, испуганная Элария.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Пальцы сами потянулись к лицу. Она провела по щеке, по подбородку, по губам. Гладко. Цело. Живо.

За окном пропел петух. Где-то внизу звякнула посуда — кухарка начала готовить завтрак. Знакомые звуки. Дом ещё спал, но уже просыпался. Элария опустила зеркало и уставилась на свои руки. На запястье левой руки — там, где в прошлой жизни был тонкий белый шрам от верёвки, — не было ничего. Кожа чистая.

Она попыталась вспомнить. Казнь. Огонь. Боль. А потом...

А потом она здесь.

Элария откинула одеяло. Ноги коснулись холодного пола. Она встала, пошатнулась, схватилась за спинку кровати. Тело слушалось, но было чужим — лёгким, не знавшим голода и побоев. Она сделала шаг, другой. Подошла к окну. Во дворе конюх выводил лошадей. Мальчик-слуга нёс воду. Всё как всегда.

Но что-то было не так.

На календаре, висевшем у двери, была отмечена дата. Элария подошла, взгляделась. День её восемнадцатилетия. Тот самый день, когда виконт устроил бал, чтобы представить дочерей обществу. Тот самый день, за три дня до которого Кайен погиб на охоте.

Кайен.

Элария рванула дверь и выбежала в коридор. Босиком, в одной рубашке, с растрёпанными волосами. Она не думала о приличиях. Она думала только о брате.

— Кайен! — крикнула она, влетая в его комнату.

Мальчик спал. Шестнадцатилетний, худой, с вечно сбитым одеялом и растрёпанными светлыми волосами. Он был жив. Он дышал. Его грудь медленно поднималась и опускалась.

Элария зажала рот рукой, чтобы не зарыдать в голос. Слёзы текли по щекам, капали на пол. Она подошла, села на край кровати, коснулась его плеча.

— Кайен, — прошептала она. — Кайен, проснись.

Он заворочался, открыл глаза — сонные, голубые, как у матери. Увидел сестру, улыбнулся.

— Элария? Ты чего так рано? — Он зевнул. — И почему ты плачешь?

Она не могла ответить. Просто обняла его, прижала к себе, чувствуя тепло живого тела, слыша стук сердца. Живой. Не мёртвый. Не холодный. Живой.

— Ты мне снилась, — соврала она, отстраняясь и вытирая слёзы. — Будто ты ушёл и не вернулся.

Кайен фыркнул:

— Куда я уйду? Мне ещё на охоту через три дня. Отец обещал взять меня с собой.

Элария вздрогнула. Охота. Та самая охота, где стрела, выпущенная человеком мачехи, попала ему в спину. Тогда решили, что это несчастный случай. Потом — что брат был неосторожен. Но Элария знала правду. И теперь у неё было три дня, чтобы всё изменить.

— Не ходи, — сказала она резко. — Не ходи на охоту.

Кайен удивлённо моргнул:

— Почему? Это же tradition. Отец будет недоволен.

— Плевать на отца, — отрезала Элария. — Ты заболеешь. Я чувствую. У тебя жар.

Она коснулась его лба. Жара не было, но она сделала вид, что есть. Кайен засмеялся:

— Ты выдумываешь. Я здоров.

— Обещай мне, — настаивала она, глядя ему прямо в глаза. — Обещай, что не поедешь.

Он замолчал. Что-то в её взгляде, наверное, было такое, что он не стал спорить. Просто кивнул:

— Ладно. Обещаю.

Элария выдохнула. Первый шаг сделан. Но это только начало.

В коридоре она столкнулась с Мирой.

Служанка — ровесница, рыжеватая, с веснушками и вечно испуганными глазами — несла поднос с завтраком. Увидев госпожу босиком и в одной рубашке, она охнула:

— Леди Элария! Что вы делаете? Вы же простудитесь!

— Всё хорошо, — ответила Элария, но голос дрогнул. Мира была жива. В прошлой жизни она погибла, защищая её от людей мачехи. Тогда, в монастыре. Элария помнила, как Мира упала, пронзённая кинжалом, и как кровь заливала её платье.

— Леди? — Мира подошла ближе. — Вы побледнели. Присядьте.

— Ничего, — Элария покачала головой. — Просто... не выспалась.

Она смотрела на служанку, не в силах отвести взгляд. Мира была здесь. Живая, с целыми руками, без кровавых ран. Это казалось чудом.

— Давайте я помогу вам одеться, — предложила Мира, ставя поднос на столик в коридоре. — Бал сегодня. Нужно выглядеть идеально.

Бал. Элария почти забыла о нём. Сегодня вечером в доме соберётся весь цвет местной знати. Будет и принц Кассиан — второй сын короля. Холодный, опасный, известный как «Ледяной клинок». В прошлой жизни она видела его лишь мельком. Тогда он даже не взглянул на неё. А сегодня... сегодня всё могло быть иначе.

— Да, — сказала она. — Помоги.

В спальне Мира принялась расшнуровывать её рубашку, но Элария остановила её:

— Подожди. Ты порезалась?

Мира взглянула на свою руку. На указательном пальце был тонкий порез — видимо, от ножа на кухне. Кровь уже запеклась.

— Пустяки, — отмахнулась служанка. — Вчера порезалась, когда резала хлеб.

Элария взяла её руку. Порез был глубоким, хотя Мира и не показывала виду. Он мог воспалиться. В прошлой жизни Мира часто болела из-за таких вот ран, а лечить её было нечем.

— Дай сюда, — сказала Элария и, сама не зная зачем, провела пальцем по порезу.

Она почувствовала, как что-то тёплое, тягучее, как мёд, потекло из её груди в руку. Свет, невидимый глазу, но ощутимый кожей. Порез начал затягиваться. Кожа срасталась, кровь исчезала, и через мгновение на пальце Мира не осталось даже следа.

Мира ахнула и отшатнулась:

— Леди! Что вы...

Элария пошатнулась. Голова закружилась, в глазах потемнело. Она схватилась за спинку кровати, чтобы не упасть. По телу разлилась слабость, будто из неё выкачали всю силу. Она посмотрела на свою руку — та дрожала.

— Никому, — прошептала она, хватая Миру за запястье. — Никому не говори. Поняла?

Мира испуганно кивнула. Глаза у неё были круглые, как блюдца.

— Что это было?

— Не знаю, — соврала Элария. — Но это наш секрет. Ты поняла?

— Да, леди.

Элария отпустила её и села на кровать. Сердце колотилось, во рту пересохло. Она только что использовала дар целительства. Тот самый дар, о котором знала в прошлой жизни лишь по слухам. Лунное дыхание. Магия, за которую сжигали на кострах. И она отдала часть себя, чтобы залечить пустяковую царапину.

Она посмотрела на свои волосы. Среди тёмных прядей, у самого виска, блеснула седая нить.

Значит, цена реальна.

Днём, когда Элария уже оделась и привела себя в порядок, в коридоре слышались шаги. Она узнала их сразу — тяжёлые, уверенные, с лёгким постукиванием трости. Мачеха.

Леди Марбелла вошла в комнату матери без стука. Элария шла следом, держась в тени. Она видела, как мачеха поставила на столик поднос с чайником и чашкой.

— Дорогая Иоланта, — проворковала она, — вы совсем бледны. Я заварила вам укрепляющий чай. Пейте, пока горячий.

Мать Эларии, леди Иоланта, сидела в кресле у окна. Она выглядела усталой, осунувшейся. В прошлой жизни она умерла через год — медленно, мучительно, от яда, который подливала ей мачеха. Элария помнила, как мать таяла на глазах, как врачи разводили руками, как никто не мог понять, что с ней происходит.

— Спасибо, Марбелла, — тихо сказала Иоланта. — Вы так добры.

Элария стиснула зубы. Добрая. Мачеха была доброй, как змея, которая греется на солнце перед тем, как укусить.

Она вышла из тени.

— Матушка, — сказала она, — позвольте, я сама налью вам чай.

Марбелла обернулась. В её глазах мелькнуло раздражение, но улыбка осталась на месте.
— Элария, милая. Ты уже встала? Я думала, ты отдыхаешь перед балом.

— Я выпалась, — ответила Элария, подходя к столику. — И мне хочется провести немного времени с матушкой.

Она взяла чайник. Пальцы дрожали. Она знала, что в чае — яд. Мышьяк с лунным корнем. Достаточно одной чашки, чтобы через месяц мать начала угасать. Две чашки в день — и к весне её не станет.

Элария налила чай в чашку. Потом, будто случайно, задела поднос локтем. Чайник опрокинулся, и часть жидкости выплеснулась на скатерть. Марбелла вскрикнула, отшатнулась.

— Ах, простите! — воскликнула Элария. — Я такая неловкая!

Она схватила салфетку и принялась вытирать лужу. В суматохе она быстро высыпала в карман передника щепотку порошка, который остался на дне чайника. Маленький, сероватый, почти незаметный.

— Ничего, ничего, — процедила Марбелла сквозь зубы. — Я прикажу принести ещё.

— Не стоит, — вмешалась Иоланта. — Я не хочу чаю. Спасибо, Марбелла.

Мачеха поджала губы, но отступила. Бросив на Эларию подозрительный взгляд, она вышла. Дверь закрылась.

Элария выдохнула. В кармане лежал порошок. Доказательство. Но кому его показать? Отцу? Он не поверит. Слугам? Они донесут. Оставался один человек — мастер Тибо, старый аптекарь, который когда-то помогал её матери. Он жил на окраине города и знал о ядах больше, чем все лекари вместе взятые.

— Дочка? — позвала Иоланта. — Что с тобой? Ты сама не своя.

Элария обернулась. Мать смотрела на неё с тревогой. В её глазах — усталых, но всё ещё красивых — было столько любви, что сердце сжалось.

— Всё хорошо, матушка, — сказала Элария, подходя и целуя её в лоб. — Просто дурной сон.

— Ты плакала.

— Приснилось плохое. Но теперь всё будет иначе.

Она выпрямилась. В зеркале напротив отразилась девушка с тёмными волосами и серо-голубыми глазами. В её взгляде больше не было страха. Только решимость.

— Я обещаю, — прошептала Элария. — Я всех вас спасу.

Вечером, когда стемнело, она накинула плащ и выбралась из дома через чёрный ход. Мира помогла ей — придумала, что госпожа хочет подышать воздухом перед балом. Элария шла по грязным улицам нижнего города, прижимая к груди маленький свёрток с порошком. Аптека мастера Тибо находилась в переулке за ратушей. Свет в окне ещё горел.

Она постучала. Дверь открыл сгорбленный старик с седыми волосами и пронзительными глазами.

— Леди Элария? — удивился он. — Что вы делаете здесь в такой час?

— Мне нужна ваша помощь, мастер Тибо, — сказала она, входя. — И, боюсь, это вопрос жизни и смерти.

Она выложила на прилавок порошок.

Тибо взял его, понюхал, растёр между пальцами. Потом посмотрел на Эларию долгим взглядом.

— Где вы это взяли?

— Это не важно. Что это?

— Мышьяк с лунным корнем, — медленно произнёс аптекарь. — Смертельный яд. Его продают только по лицензии. И выдаёт такие лицензии...

— Герцог Кроу, — закончила Элария.

Тибо кивнул. Потом его взгляд упал на её запястье. Там, где раньше не было ничего, теперь проступал тонкий серебристый знак — полумесяц с тремя звёздами.

— Откуда это у вас? — прошептал он, отшатнувшись.

Элария посмотрела на свою руку. Знак. Тот самый знак, который в прошлой жизни появился у неё только после смерти матери. Теперь он был здесь. С самого начала.

— Что это? — спросила она.

Тибо опустился на табурет. Лицо его побледнело.

— Это печать Лунарии, — сказал он. — Знак королевской крови. Знак целителей. Я думал, они все мертвы.

Элария сжала руку в кулак.

— Значит, не все.

Она вышла из аптеки в холодную ночь. Над городом висела луна — яркая, полная, насмешливая. Элария подняла голову и посмотрела на неё.

— Я вернулась, — прошептала она. — И на этот раз я не буду пешкой.

Где-то вдалеке завывала собака. Элария запахнула плащ и зашагала к дому. Впереди был бал. Впереди был принц. Впереди была месть.

И она не собиралась проигрывать.

Глава 2. Бал и ледяной клинок

К балу Эларию готовили три служанки.

Мира шнуrowала корсет, другая девушка укладывала волосы, третья подбирала украшения. Элария стояла перед зеркалом и смотрела на своё отражение. Платье было тёмно-синим, почти чёрным, с серебряной вышивкой по лифу. С скромное по меркам столицы, но элегантное. Мать настояла, чтобы оно было именно таким — неброским, но благородным.

— Ты красивая, — сказала Иоланта, стоя в дверях. Она держалась за косяк, и Элария заметила, как дрожат её пальцы. — Очень красивая.

— Это ты меня такой сделала, — ответила Элария.

Мать улыбнулась, но улыбка вышла печальной. Она подошла, поправила выбившуюся прядь, коснулась щеки дочери.

— Будь осторожна сегодня. На балу будет много людей. И не все они желают тебе добра. Элария кивнула. Она знала это лучше, чем кто-либо.

— Матушка, — позвала она, когда Иоланта уже повернулась уходить. — Ты когда-нибудь рассказывала мне о своём прошлом? О том, откуда ты родом?

Иоланта замерла. На мгновение её лицо стало пустым, будто она ушла куда-то далеко. Потом она покачала головой:

— В другой раз, дочка. Сегодня — бал.

Она вышла. Элария сжала кулаки. Она помнила, что в прошлой жизни мать так и не успела рассказать ей правду. Умерла, унеся тайну с собой. На этот раз всё будет иначе.

— Леди, — тихо позвала Мира, — вы готовы?

Элария обернулась. В зеркале отражалась девушка, которую она сама едва узнавала. Восемнадцатилетняя, с гладкой кожей и ясными глазами. Никаких шрамов. Никакого пепла. Пока.

— Готова, — сказала она.

Зал для приёмов в доме Нордвудов был украшен гирляндами из белых роз и серебряными лентами. Свет сотен свечей дрожал в хрустальных люстрах, отражался в полированном полу. Музыканты играли вальс, пары кружились, шёлк платьев шуршал по паркету.

Элария вошла и сразу почувствовала на себе взгляды. Слухи о «нелюбимой дочери виконта» ходили давно. Говорили, что она странная, что слишком много читает, что не умеет вести себя в обществе. В прошлой жизни эти шепотки ранили её. Теперь — нет.

Она шла по залу, и толпа расступалась. Мужчины провожали её глазами, женщины — завистливыми улыбками. Элария не обращала внимания. Она искала одного человека.

И нашла.

Принц Кассиан Валент стоял у колонны в дальнем конце зала. Высокий, широкоплечий, в чёрном камзоле с серебряными пуговицами. Волосы тёмные, коротко стриженные. Лицо — резкое, красивое, но холодное, как мрамор. Он держал бокал с вином, но не пил. Просто смотрел.

Их взгляды встретились.

Элария почувствовала, как по спине пробежал холодок. Не страх. Что-то другое. Она знала из прошлой жизни, что этот человек станет королём. Знала, что он безжалостен к врагам и щедр к тем, кто ему верен. Знала, что он никогда не женится по любви — только по расчёту.

Но тогда, в прошлой жизни, она видела его лишь издалека. А сейчас он смотрел прямо на неё.

Кассиан отвёл взгляд первым. Элария выдохнула.

— Сестрица!

Голос Селины прозвучал сладко и громко. Элария обернулась. Сводная сестра шла к ней в платье цвета слоновой кости, с жемчужным ожерельем на шее. Красивая, самоуверенная, с улыбкой, которая не касалась глаз.

— Ты сегодня просто... — Селина окинула её взглядом. — Необычно выглядишь. Это платье? Оно такое... простое.

— Спасибо, — ответила Элария ровно. — Ты тоже прекрасна.

Селина нахмурилась. В прошлой жизни Элария заикалась бы от смущения, опустила глаза, пробормотала извинения. Теперь она просто смотрела. И это сбивало Селину с толку.

— Матушка ищет тебя, — сказала она, наконец. — Хочет представить тебя гостям.

— Передай, что я подойду.

Селина ушла, бросив на неё последний подозрительный взгляд. Элария смотрела ей вслед. В прошлой жизни Селина была её главной мучительницей. Дразнила, унижала, подстранивала мелкие пакости. А потом — помогала матери отравить Иоланту. Тогда Элария ненавидела её. Теперь — почти жалела. Селина была такой же пешкой, как и она сама.

— Леди Элария?

Голос был низким, спокойным. Элария обернулась.

Принц стоял перед ней. Ближе, чем она ожидала. Настолько близко, что она чувствовала запах его одеколона — что-то древесное, холодное. Его глаза были серыми, как грозовое небо, и в них не было ни тепла, ни интереса. Только вежливое равнодушие.

— Ваше Высочество, — Элария присела в реверансе. — Вы оказали мне честь.

— Мне сказали, что вы дочь виконта Нордвуда, — сказал он. — Но я не вижу в вас сходства с остальными членами семьи.

Это был не комплимент. Это было наблюдение. Элария выпрямилась и встретила его взгляд.

— Я похожа на мать.

— Да, — согласился он. — На леди Иоланту. Я видел её портрет в галерее. Она была красавицей.

Он замолчал. Молчала и Элария. Между ними повисла пауза, наполненная гулом голосов и музыкой. Принц смотрел на неё так, будто пытался что-то прочесть. Элария смотрела в ответ. Она знала, что он ищет. Целительницу. Ту, кто сможет снять проклятие, которое медленно убивает его.

Она чувствовала это проклятие. Оно исходило от него, как холод от льда. Тёмное, тягучее, оно обвивало его сердце, сжимало грудь. Элария видела его — не глазами, а тем самым даром, который проснулся в ней после возвращения. Проклятие было живым. Оно дышало. Оно ждало.

— Вы замужем, леди Элария? — спросил принц.

— Нет, Ваше Высочество.

— Помолвлены?

— Тоже нет.

Он кивнул, будто отметил что-то в уме. Потом сказал:

— Странно. Дочь виконта в восемнадцать лет — и без помолвки. Ваш отец не торопится выдать вас замуж?

Элария улыбнулась. Холодно.

— Отец занят другими делами. Я не вхожу в его планы.

— А вы хотели бы?

— Войти в чьи-то планы? — Элария покачала головой. — Нет, Ваше Высочество. Я предпочитаю строить свои.

Принц чуть приподнял бровь. Впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на интерес.

— Необычный ответ для леди вашего возраста.

— Я необычная леди.

Они смотрели друг на друга. Музыка стихла, и пары начали расходиться. Кто-то объявил о начале ужина. Принц отступил на шаг.

— Приятно было познакомиться, леди Элария, — сказал он. — Надеюсь, мы ещё увидимся.

Он ушёл. Элария смотрела ему вслед, чувствуя, как колотится сердце. Она знала, что он придёт. Знала, что он уже понял: она не такая, как остальные. И знала, что это может её погубить.

— Что он тебе сказал? — Селина появилась рядом, как тень. В её глазах горела ревность.

— Ничего особенного, — ответила Элария. — Спросил, замужем ли я.

— И что ты ответила?

— Что нет.

Селина поджала губы.

— Он мой, — прошипела она. — Слышишь? Он мой. Не смей с ним заигрывать.

Элария посмотрела на сестру долгим взглядом.

— Я не собираюсь ни с кем заигрывать, Селина. И тебе советую быть осторожнее. Принц не тот, кем кажется.

Она ушла, оставив сестру в недоумении.

Ночью, когда гости разъехались и дом погрузился в тишину, Элария пробралась в комнату матери.

Иоланта спала. Дыхание её было ровным, но лицо — бледным. Элария знала, что яд уже начал действовать. Медленно, незаметно. Мать угасала, и никто, кроме неё, этого не видел.

Элария подошла к комоду. В прошлой жизни она никогда не рылась в вещах матери. Но теперь она знала: там что-то есть. Что-то важное. Она открыла верхний ящик. Платки, ленты, письма. Ничего необычного. Второй ящик. Третий. В самом низу, под стопкой старых кружев, лежала маленькая шкатулка.

Элария открыла её.

Внутри, на бархатной подушке, лежал медальон. Серебряный, с гравировкой: полумесяц с тремя звёздами. Точно такой же знак, как у неё на запястье.

Элария взяла медальон. Он был тёплым, будто его только что держали в руке. На обратной стороне была надпись на незнакомом языке. Элария не знала этих букв. Но почему-то понимала их.

«Луна помнит. Луна вернёт.»

— Дочка?

Элария вздрогнула. Иоланта проснулась и смотрела на неё. В её глазах не было испуга. Только усталость.

— Матушка, — Элария сжала медальон в руке. — Что это?

Иоланта села в кровати. Долго молчала. Потом сказала:

— Это твоё. Я должна была отдать его раньше, но... боялась.

— Боялась чего?

— Правды.

Элария подошла, села на край кровати. Медальон лежал между ними.

— Матушка, я знаю, что ты не та, кем кажешься. Я видела знак на своей руке. Я чувствую магию. Расскажи мне. Пожалуйста.

Иоланта закрыла глаза. Когда она снова их открыла, в них стояли слёзы.

— Я из Лунарии, — сказала она. — Из королевства, которое уничтожили двадцать лет назад. Мой отец был королём. Твоя бабушка — королевой. Я — последняя принцесса.

Элария молчала. Она знала это. Знала из прошлой жизни. Но слышать это от матери было иначе. Больнее.

— А мой отец? — спросила она.

Иоланта отвернулась.

— Его звали Аларик. Он был принцем Лунарии. Мы полюбили друг друга, когда нам было по шестнадцать. Потом началась война. Герцог Кроу предал нас. Он открыл ворота врагу. Аларик погиб, защищая город. Я бежала. Я была беременна тобой.

— А виконт? — Элария сжала кулаки. — Он знал?

— Он приютил меня. Я была отчаянной, напуганной. Он дал мне имя, дом. Но он никогда не любил тебя. Потому что ты — не его дочь.

Элария смотрела на медальон. На знак Луны. На своё будущее.

— Значит, я наследница, — сказала она тихо.

— Да, — прошептала Иоланта. — И если об этом узнают... тебя убьют.

Элария подняла голову. В её глазах больше не было слёз. Только сталь.

— Пусть попробуют.

Она вернулась в свою комнату уже под утро. Луна за окном побледнела, уступая место рассвету. Элария села на кровать, не раздеваясь. Медальон она повесила на шею, спрятала под платьем.

В дверь тихо постучали.

— Леди? — голос Миры. — Вам письмо. Принёс человек в чёрном плаще. Сказал, срочно.

Элария взяла конверт. Бумага была плотной, с золотым тиснением. Она вскрыла его.

Внутри — короткая записка, написанная резким, уверенным почерком:

«Леди Элария.

Мне нужно с вами поговорить.

Сегодня, в полночь, у старого дуба за мельницей.

Приходите одна.

К.»

Элария сжала записку. К. Кассиан. Принц.

Он не терял времени.

Она посмотрела в окно. Небо светлело. Впереди был новый день. И новая игра.

— Хорошо, — прошептала она, складывая записку. — Поиграем.

Она поднесла бумагу к свече. Огонь лизнул край, и записка вспыхнула. Элария смотрела, как она горит, и в её глазах отражалось пламя.

Пепел кружился в воздухе.

На этот раз — не её пепел.

Глава 3. Охота и сделка

Кассиан

Полночь.

Принц Кассиан Валент стоял у старого дуба за мельницей и смотрел на луну. Полная, яркая, она висела над лесом, как серебряная монета, брошенная в чёрную воду. В такие ночи проклятие становилось тише. Не уходило — оно никогда не уходило, — но затихало, будто тоже смотрело на небо.

Кассиан давно перестал считать, сколько лет он живёт с этой тяжестью в груди. Двенадцать? Тринадцать? Тогда ему было одиннадцать. Он помнил холодные пальцы герцога Кроу на своём лбу, помнил слова на незнакомом языке, помнил, как что-то тёмное, тягучее, как смола, заползло ему под кожу и свернулось вокруг сердца. С тех пор оно росло. Медленно, но верно.

Лекари разводили руками. Церковь говорила, что это кара за грехи отца. Отец делал вид, что ничего не происходит. И только мать — до самой своей смерти — искала способ снять проклятие. Она умерла, когда Кассиану было пятнадцать. С тех пор он искал сам.

И вот теперь он стоял у дуба и ждал девушку, которая, возможно, была ответом.

Леди Элария Нордвуд.

Он думал о ней весь день. О том, как она смотрела на него на балу — без страха, без подобострастия. О том, как сказала: «Я предпочитаю строить свои планы». О том, как что-то в её присутствии заставило проклятие впервые за годы замереть.

Он чувствовал её. Не так, как чувствовал других людей. Это было иначе. Будто внутри него, в самой глубине, где сидело проклятие, что-то отозвалось на её присутствие. Что-то похожее на голод — или на надежду.

Кассиан не верил в надежду. Но он верил в целителей. И он знал, что в Нордвуд приехала девушка, о которой шептались в нижнем городе. Та, что лечит бедняков. Та, что не берёт денег. Та, что появляется из ниоткуда и исчезает в темноте.

Он ждал.

И она пришла.

Элария вышла из тени деревьев бесшумно, будто соткалась из лунного света. Плащ скрывал фигуру, капюшон — лицо. Но Кассиан узнал её сразу. По походке. По тому, как она держала спину. По тому, как остановилась в трёх шагах и сбросила капюшон.

— Ваше Высочество, — сказала она. — Вы не боитесь гулять по ночам в одиночестве?

— Я не один, — ответил он. — У меня есть меч. И проклятие. Обычно этого достаточно, чтобы отпугнуть любого.

Она не улыбнулась. Только посмотрела на него — внимательно, как смотрят лекари на безнадежного больного.

— Зачем вы позвали меня?

— Вы знаете зачем.

— Скажите вслух.

Кассиан шагнул ближе. Луна осветила его лицо. Бледное, усталое, красивое. Он не спал уже вторую ночь — проклятие не давало.

— Мне нужна помощь, — сказал он. — Говорят, вы умеете лечить. Говорят, вы делаете это лучше, чем все придворные лекари вместе взятые. Говорят, вы целительница.

Элария молчала.

— Я слышал пророчество, — продолжил Кассиан. — «Лунная дева исцелит проклятого». Я не верил в пророчества. До сегодняшнего дня.

— Почему до сегодняшнего?

— Потому что сегодня я почувствовал вас. — Он смотрел ей прямо в глаза. — Вы стояли в другом конце зала, а проклятие затихло. Впервые за двенадцать лет. Оно испугалось вас, леди Элария. Или узнало.

Она не отвела взгляда. Не отступила. В её глазах мелькнуло что-то — не страх, не удивление. Понимание.

— Вы знаете, что со мной, — сказал Кассиан. — Вы видели это на балу. Я заметил, как вы смотрели.

— Да, — сказала она. — Знаю.

— И можете помочь?

Элария сделала шаг вперёд. Теперь между ними было меньше двух шагов. Она подняла руку — медленно, будто спрашивая разрешения, — и коснулась его груди. Пальцы легли туда, где билось сердце, где вилось проклятие.

Кассиан вздрогнул. Прикосновение было тёплым. Тёплым, а не холодным. Проклятие отшатнулось, как зверь, которого ткнули факелом.

— Оно глубоко, — сказала Элария. — Очень глубоко. Я не смогу снять его за один раз.

— Сколько понадобится?

— Месяцы. Может, больше. — Она убрала руку. — И каждый раз я буду терять часть себя.

— Что вы имеете в виду?

Она отвернулась. Луна осветила её профиль, и Кассиан увидел то, что не заметил на балу: седую прядь у виска. Тонкую, как паутина, но заметную среди тёмных волос.

— Цена, — сказала она. — У всего есть цена, Ваше Высочество. Даже у чудес.

Кассиан молчал. Он знал о цене. Знал, что целители умирают молодыми. Знал, что они отдают себя. Но он не ожидал, что она скажет об этом так спокойно.

— Что вы хотите взамен?

Элария обернулась. В её глазах блеснула сталь.

— Защиту. Для моей матери. Для моего брата. Для Миры, моей служанки. Они должны быть в безопасности, что бы ни случилось.

— Это всё?

— Нет. — Она шагнула ближе. — Я хочу знать правду. О герцоге Кроу. О Лунарии. О том, что произошло двадцать лет назад.

Кассиан нахмурился.

— Почему вас это интересует?

— Это не важно. Важно то, что вы можете мне её узнать.

Он смотрел на неё долгим взглядом. Девушка, которая просит слишком много. Девушка, которая знает слишком много. Девушка, которая не боится его.

— Согласен, — сказал он.

Элария кивнула. Потом её взгляд упал на его шею. Там, на цепочке, висел медальон — маленький, серебряный, с гербом королевского дома Валентов. Но Элария смотрела не на него. Она смотрела на что-то другое.

Кассиан проследил за её взглядом. На её собственной шее, наполовину скрытый плащом, висел медальон. Серебряный. С полумесяцем и тремя звёздами.

Он замер.

— Где вы это взяли? — спросил он резко.

Элария сжала медальон в кулаке.

— Это семейная реликвия.

— Это герб Лунарии, — сказал Кассиан. — Королевства, которое уничтожили двадцать лет назад. Герб, за который в этой стране сжигают на костре.

Она не ответила. Только смотрела на него — спокойно, твёрдо. И в этой твёрдости было больше правды, чем в любых словах.

— Кто вы? — прошептал Кассиан.

Элария отпустила медальон. Он упал обратно на грудь, скрылся под плащом.

— Та, кто может вас спасти, — сказала она. — И та, кого вы, возможно, захотите убить, когда узнаете правду.

Она повернулась и исчезла в темноте. Кассиан смотрел ей вслед. Проклятие в груди молчало.

Впервые за двенадцать лет ему было не холодно.

Элария

Утро пришло серым и туманным.

Элария не спала. После разговора с принцем она вернулась домой и просидела у окна до рассвета, глядя на луну. Она сказала ему слишком много. И слишком мало. Но игра началась, и отступать было некуда.

Она спустилась к завтраку и сразу поняла: что-то не так.

Кайен стоял в прихожей в охотничьем костюме. Сапоги, куртка, лук за спиной. Рядом — виконт Нордвуд, мрачный и нетерпеливый.

— Ты обещал, — сказала Элария, подходя.

Кайен виновато пожал плечами:

— Отец настоял. Сказал, что это традиция. Что я должен поехать.

— Ты обещал мне.

— Элария, не начинай.

Виконт вмешался:

— Довольно. Мальчик едет на охоту, и это не обсуждается. Ты, дочь, лучше займись своими делами.

Элария стиснула зубы. Она знала, что спорить бесполезно. Отец никогда её не слушал. Но она также знала, что охота — это ловушка. Стрела, выпущенная человеком мачехи, убьёт Кайена. Если она не вмешается.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Тогда я поеду с вами.

Виконт удивлённо поднял брови:

— Женщина на охоте? Верхом? Это неприлично.

— Я не буду охотиться. Просто поеду рядом. Мне нужно подышать воздухом.

Отец хмыкнул, но не стал спорить. Возможно, ему было всё равно. Возможно, он уже мысленно подсчитывал, сколько получит за её молчание.

Кайен обрадовался:

— Правда? Это будет весело!

Элария улыбнулась ему. Весело. Если бы он знал.

Лес встретил их запахом хвои и мокрой земли. Охотники ехали впереди, виконт — с ними. Элария держалась позади, рядом с братом. Она смотрела по сторонам, выискивая опасность. И ждала.

Она не знала, кто именно выстрелит. В прошлой жизни убийца так и не был найден. Но она помнила направление — со стороны старого бука, слева от тропы. Тогда стрела попала Кайену в спину. Сегодня этого не случится.

Они ехали уже час. Кайен болтал о лошадях, о предстоящем рыцарском турнире, о девушке, которая ему нравится. Элария слушала и улыбалась. Живой. Пока живой.

Потом она услышала.

Тихий скрип тетивы. Слева. За деревьями.

Элария не думала. Она прищипорила лошадь, рванулась вперёд, толкнула Кайена в бок. Он вскрикнул, повалился с седла. Стрела просвистела там, где мгновение назад была его спина, и вонзилась в ствол дерева.

Но не только.

Элария почувствовала резкую боль в плече. Обожгло, будто огнём. Она посмотрела вниз: из её плеча торчало древко. Кровь быстро пропитывала ткань плаща.

— Элария! — закричал Кайен, поднимаясь с земли. — Элария, ты ранена!

Охотники обернулись. Виконт подъехал, бледный.

— Что случилось? Кто стрелял?

— Несчастный случай, — прошептала Элария, сползая с лошади. — Просто... несчастный случай.

Она схватилась за стрелу. Боль была адской. Но она знала, что делать. В прошлой жизни она видела, как целители вынимают стрелы. Медленно, осторожно, чтобы не задеть сосуды.

— Отойдите, — сказала она. — Все отойдите.

Кайен не двинулся. Она посмотрела на него — твёрдо, как никогда.

— Кайен. Отойти.

Он отступил. Элария взялась за древко обеими руками. Рванула.

Кровь хлынула сильнее. Она прижала ладонь к ране. Тёплое, тягучее тепло потекло из груди в руку. Свет, невидимый глазу. Рана начала затягиваться. Медленно, мучительно, но кожа срасталась, кровь останавливалась.

Элария почувствовала, как слабость накатывает волной. Голова закружилась. Она упала на колени.

— Элария! — Кайен подбежал, обхватил её за плечи. — Что ты делаешь? Ты же ранена!

— Всё хорошо, — прошептала она. — Уже всё хорошо.

Она посмотрела на плечо. Рана закрылась. Остался только тонкий розовый шрам. И седая прядь — ещё одна — у виска.

Она подняла голову. Среди деревьев, в тени, мелькнула фигура. Человек в тёмном плаще. Он смотрел на неё. Потом повернулся и исчез.

Элария запомнила его лицо. Одно лицо. Один человек мачехи. Теперь она знала, кого искать.

Вечером, когда они вернулись, Элария едва держалась на ногах. Она отказалась от ужина, сославшись на усталость, и поднялась в свою комнату. Мира помогла ей раздеться, ахнула, увидев шрам на плече, но ничего не сказала. Только посмотрела с тревогой.

— Леди, вам нужно отдохнуть.

— Отдохну, — пообещала Элария. — Позже.

Она села у окна. Закат окрасил небо в багровые тона. Плечо ныло. Дар забрал больше, чем она рассчитывала. Седая прядь. Ещё одна. Сколько их будет, прежде чем она потеряет всё?

В дверь постучали. Мира открыла. На пороге стоял человек в ливрее принца.

— Леди Элария, — сказал он. — Его Высочество просит вас спуститься в сад. Немедленно.

Элария вздохнула. Она знала, что он придёт. После того, что она сказала у дуба, он не мог не прийти.

— Передайте, что я буду через минуту.

Она накинула плащ, спрятала медальон под платьем и вышла.

Сад был пуст. Луна только поднималась, бледная и тонкая. Кассиан стоял у фонтана, спиной к ней. Услышав шаги, обернулся.

— Вы ранены, — сказал он, глядя на её плечо.

— Пустяки.

— Я слышал, что произошло на охоте. Стрела. Несчастный случай.

— Да.

— Лжёте.

Элария подошла ближе. В свете луны его лицо казалось высеченным из камня. Но глаза — глаза были живыми. В них горело что-то, чего она не видела на балу. Что-то похожее на ярость.

— Это было покушение, — сказала она. — На моего брата.

— Кто?

— Я не знаю. Пока.

Кассиан сжал кулаки.

— Я предлагал вам защиту. Вы отказались.

— Я не отказывалась. Я сказала, что подумаю.

— И что вы решили?

Элария посмотрела на него. Ветер шевельнул её волосы, и седая прядь блеснула в лунном свете. Кассиан заметил. Его взгляд задержался на ней.

— Вы отдаёте себя, — сказал он тихо. — Каждый раз, когда лечите.

— Да.

— И всё равно делаете это.

— Да.

Он шагнул к ней. Близко. Так близко, что она чувствовала тепло его тела.

— Я не позволю вам умереть, — сказал он. — Слышите? Я не позволю.

Элария подняла руку и коснулась его груди. Там, где вилось проклятие. Оно дрогнуло, потянулось к ней, как зверь к хозяину.

— Тогда позвольте мне помочь, — сказала она. — Сейчас.

Она закрыла глаза. Тепло потекло из неё в него — медленно, осторожно. Она чувствовала, как проклятие отступает, как чёрные нити рвутся одна за другой. Не все. Только часть. Но этого было достаточно, чтобы Кассиан вздохнул глубже, чтобы его плечи расслабились, чтобы боль в его глазах утихла.

Элария покачнулась. Он поймал её, прижал к себе.

— Элария.

— Всё хорошо, — прошептала она. — Просто... дайте мне минуту.

Она стояла в его объятиях, чувствуя, как колотится его сердце. Живое. Тёплое. Не проклятое.

— Союз, — сказала она, поднимая голову. — Вы согласны?

— Да, — ответил он. — Согласен.

Он посмотрел на неё. В его глазах больше не было льда. Только что-то другое. Что-то, чего Элария не ожидала увидеть.

— Кто вы? — спросил он снова.

Элария улыбнулась. Устало. Горько.

— Та, кто вернулась, чтобы всё исправить.

Она отступила, выпутываясь из его рук. Он не удержал. Только смотрел, как она уходит в темноту.

— Элария! — позвал он.

Она обернулась.

— Завтра, — сказал он. — В полдень. Я пришлю за вами. Мы начнём.

Она кивнула и исчезла в ночи.

Кассиан остался один. Он смотрел на луну, на серебряный свет, разлитый по саду. Проклятие в груди молчало. Впервые за двенадцать лет ему было легко дышать.

Он поднял руку и коснулся груди. Там, где только что были её пальцы. Тепло ещё оставалось.

— Кто ты? — прошептал он в темноту.

Луна не ответила.

Глава 4. Семейный ужин и тень прошлого

Элария проснулась от боли.

Плечо ныло — не рана, та затянулась, — а что-то глубже. Дар вытянул из неё больше, чем она думала. Руки дрожали, перед глазами плавали тёмные пятна. Она села в кровати и посмотрела на себя в зеркало.

Две седые пряди. У виска и за ухом. Тонкие, как паутина, но заметные. Элария заплела волосы так, чтобы их скрыть, и принялась одеваться. Сегодня предстоял трудный день.

Мира принесла завтрак, но Элария не притронулась к еде. Она думала о вчерашнем. О стреле. О человеке в тёмном плаще, который смотрел на неё из-за деревьев. О принце, который держал её в объятиях и просил остаться.

Она не осталась. Не могла. Слишком рано. Слишком опасно.

— Леди, — позвала Мира, — к вам гости. Лорд Дарвик прибыл. Он в гостиной с вашим отцом.

Элария замерла. Лорд Дарвик. Годфри Дарвик.

В прошлой жизни он стал её мужем. Тогда ей было восемнадцать, и она была слишком напугана, чтобы возражать. Отец сказал — надо, и она подчинилась. Дарвик был старше её на двадцать лет. Грубый, жадный, с руками, которые слишком часто сжимались в кулаки. После свадьбы он отвёз её в своё поместье, где держал взаперти. А потом, когда она перестала быть полезной, отправил в монастырь.

Элария помнила ту ночь. Помнила, как он вошёл в её комнату, пьяный, с ремнём в руке. Помнила, как кричала, а никто не пришёл. Помнила, как утром он сказал: «Ты сама виновата. Не надо было перечить».

Она не собиралась повторять этот кошмар.

— Передай, что я сейчас спущусь, — сказала она Мире.

* * *

В гостиной пахло дорогим табаком и потом. Лорд Дарвик сидел в кресле напротив виконта, развалившись, как хозяин. Он был крупным мужчиной — широкие плечи, тяжёлая челюсть, маленькие глаза, которые бегали по комнате, как крысы. Увидев Эларию, он поднялся и улыбнулся. Улыбка была неприятной.

— Леди Элария, — прогудел он. — Вы расцвели. Помню вас ещё ребёнком. Тогда вы были тощей, как жердь.

— Время меняет людей, — ответила она ровно.

Дарвик хмыкнул. Виконт Нордвуд сидел бледный, сжимая подлокотники кресла. Он избегал взгляда дочери.

— Я приехал с предложением, — сказал Дарвик, снова садясь. — Ваш отец уже дал согласие.

Элария посмотрела на отца. Тот отвернулся.

— Какое предложение? — спросила она, хотя уже знала ответ.

— Брак, — Дарвик улыбнулся шире. — Я давно искал жену. Молодую, здоровую, из хорошей семьи. Ваш отец задолжал мне крупную сумму. Я предложил сделку: долг прощается, а вы становитесь моей женой.

Элария молчала. Внутри всё кипело, но лицо оставалось спокойным. Она знала, что если начнёт кричать, её запрут в комнате. Если будет умолять — отец всё равно не передумает. Единственный способ — выиграть время.

— Я польщена, — сказала она. — Но, лорд Дарвик, я не могу выйти замуж так скоро.

Дарвик нахмурился:

— Почему?

— Траур, — ответила Элария. — Моя бабушка по материнской линии скончалась недавно. Я обязана соблюдать траур год. Таков обычай.

Это была ложь. Бабушка умерла много лет назад. Но Дарвик не знал этого. Он посмотрел на виконта.

— Это правда?

Виконт растерялся. Элария воспользовалась паузой:

— Конечно. Матушка может подтвердить. Вы же не хотите, чтобы ваш брак омрачили сплетни о неуважении к умершим?

Дарвик помрачнел. Он был суеверен, как все старые солдаты. Траур, мёртвые, проклятия — во всё это он верил.

— Год, — сказал он медленно. — Хорошо. Я подожду год. Но потом — свадьба.

Он встал. Подошёл к Эларии, взял её руку. Пальцы у него были потными и холодными.

— Год, — повторил он. — И вы будете моей.

Он вышел. Дверь закрылась. Элария вытерла руку о платье, будто коснулась чего-то грязного.

— Ты не должна была лгать, — сказал виконт.

Элария обернулась. В её глазах горело пламя.

— А вы не должны были продавать меня, как лошадь. Но мы оба сделали свой выбор.

Она вышла, оставив отца в гостиной.

* * *

Днём в доме царила суэта. Мачеха готовилась к ужину — сегодня должны были приехать соседи, и Марбелла хотела произвести впечатление. Элария помогала матери одеваться, когда в комнату вошла Селина.

— Ты не должна была соглашаться на траур, — сказала она с порога. — Лорд Дарвик — завидный жених.

— Тогда выходи за него сама, — ответила Элария.

Селина вспыхнула:

— Я? За старика? Никогда!

— Вот и я не хочу.

Селина поджала губы. В её глазах мелькнуло что-то — не злость, а зависть. В прошлой жизни Элария не замечала этого. Теперь видела отчётливо. Селина завидовала всему: красоте Эларии, вниманию принца, даже её спокойствию. И эта зависть делала её опасной.

— Матушка говорит, ты ведьма, — прошептала Селина. — Она видела, как ты лечила свою служанку. И как твоя рана затянулась после охоты.

Элария замерла. Значит, мачеха знает. Или подозревает.

— Я не ведьма, — сказала она ровно. — И если ты повторишь это кому-то, я расскажу, откуда у твоей матери мышьяк.

Селина побледнела. Открыла рот, закрыла. Потом развернулась и выбежала.

Иоланта, наблюдавшая за сценой из кресла, тихо сказала:

— Ты изменилась, дочка.

— Я выросла, — ответила Элария.

* * *

Ужин был шумным и многолюдным. За столом собрались соседи, дальние родственники, несколько офицеров из местного гарнизона. Мачеха сияла, разливая вино. Виконт молчал, глядя в тарелку. Селина дулась в углу.

Элария сидела рядом с матерью. Она почти не ела. Следила за каждым движением мачехи, за каждым жестом. Ждала.

И дождалась.

— Леди Иоланта, — Марбелла подняла бокал, — за ваше здоровье. Вы так бледны в последнее время. Вам нужно больше отдыхать.

Элария напряглась. Мачеха снова начинала игру. Сначала комплименты, потом сочувствие, потом — подозрения.

— Спасибо, — ответила Иоланта. — Я чувствую себя хорошо.

— Правда? — Марбелла наклонила голову. — А мне показалось, вы кашляете по ночам. И ваша кожа... такая сухая. Может, вам сменить лекаря?

— У меня нет лекаря.

— Тем более. Я могу порекомендовать своего. Он очень хорош. Особенно в... женских болезнях.

Элария сжала вилку. Женские болезни. Так мачеха называла отравление. В прошлой жизни она убедила всех, что Иоланта просто слаба здоровьем. Что это естественно. Что никто не виноват.

— Матушка здорова, — сказала Элария громко. — И не нуждается в ваших лекарях.

За столом повисла тишина. Гости переглянулись. Марбелла улыбнулась — сладко, ядовито.

— Дорогая, я всего лишь забочусь. Ты так ревностно защищаешь мать. Будто тебе есть что скрывать.

Элария встала. Она знала, что делает ошибку. Знала, что привлекает внимание. Но больше не могла молчать.

— Я скрываю только одно, — сказала она, глядя мачехе прямо в глаза. — Ваш яд. Тот, что вы подливаете в чай матери. Тот, что продают по лицензии герцога Кроу.

За столом ахнули. Марбелла побледнела. Виконт вскочил:

— Элария! Немедленно сядь!

— Нет, — она обернулась к отцу. — Я скажу. Я всё скажу. В чае, который она приносит матери, — мышьяк. Я проверила. Я знаю.

Она вытащила из кармана маленький свёрток с порошком и бросила на стол. Свёрток развернулся, сероватый порошок рассыпался по скатерти.

— Вот доказательство.

Марбелла вскочила. Лицо её исказилось.

— Ложь! Она клеветает! Это она — ведьма! Я видела, как она лечит! Она колдунья!

— Довольно! — Виконт ударил кулаком по столу. — Элария, иди в свою комнату. Немедленно.

— Отец...

— Немедленно!

Иоланта взяла дочь за руку. Её пальцы дрожали.

— Иди, — прошептала она. — Пожалуйста. Я разберусь.

Элария посмотрела на мать. В её глазах стояли слёзы. Она знала, что проиграла. Отец не поверит. Никто не поверит. Мачеха слишком хорошо играет свою роль.

Она вышла из-за стола и направилась к двери. В спину ей летели шепотки. Кто-то смеялся. Кто-то сочувствовал. Селина смотрела с торжеством.

Элария закрыла за собой дверь и прислонилась к стене. Сердце колотилось. Она сделала глупость. Большую глупость. Теперь мачеха будет осторожнее. Теперь она будет искать способ избавиться от неё.

Но, с другой стороны, она посеяла сомнение. Кто-то из гостей запомнит. Кто-то задумается. Слухи расползутся. А слухи — оружие.

Она поднялась в свою комнату и села у окна. Луна только поднималась. Бледная, тонкая. Элария смотрела на неё и думала о матери. О том, что та знает больше, чем говорит. О том, что пришло время узнать правду до конца.

* * *

Ночью, когда дом затих, Элария пробралась в комнату матери.

Иоланта не спала. Она сидела в кресле, укутавшись в шаль. На столике горела свеча. Мать смотрела на огонь и не заметила, как вошла дочь.

— Матушка, — тихо позвала Элария.

Иоланта вздрогнула. Обернулась. В её глазах блеснули слёзы.

— Ты не должна была этого делать, — сказала она. — Теперь она опасна.

— Она всегда была опасна. Я просто перестала делать вид, что не замечаю.

Элария села на пол у ног матери. Положила голову ей на колени. Иоланта погладила её по волосам. Долго молчала. Потом сказала:

— Ты хочешь знать правду.

— Да.

— Всю?

— Всю.

Иоланта вздохнула. Свеча дрогнула, и тени заплясали по стенам.

— Я расскажу, — сказала она. — Но после этого ты не сможешь вернуться назад. Ты будешь знать то, за что убивают.

— Я уже знаю, — ответила Элария. — Я видела смерть. Свою смерть. И вернулась.

Иоланта посмотрела на неё долгим взглядом. Потом кивнула.

— Лунария была не просто королевством. Это был дом целителей. Мы умели лечить то, что другие считали неизлечимым. Мы хранили знания, которые Церковь объявила ересью. И за это нас уничтожили.

— Герцог Кроу, — сказала Элария.

— Да. Он был нашим. Двоюродным братом короля. Он предал нас. Открыл ворота врагу. Армия Арденваля вошла в город ночью. Они убивали всех: мужчин, женщин, детей. Сжигали книги. Разрушали храмы. Мой отец погиб, защищая дворец. Мать — отравилась, чтобы не попасть в плен. Мой брат... — голос Иоланты дрогнул. — Мой брат Аларик погиб на моих руках.

Элария подняла голову. Она знала, что Аларик — её отец. Но слышать это от матери было иначе. Больнее.

— Как ты спаслась?

— Я бежала. Через подземный ход, который знали только члены королевской семьи. Я была беременна тобой. Мне помог один старый слуга. Он вывел меня из города, дал денег, нашёл повозку. Я добралась до Арденваля. Здесь меня приютил виконт Нордвуд.

— Почему он это сделал?

— Потому что я была красива, — горько улыбнулась Иоланта. — И потому что он думал, что я могу быть полезной. Он не знал, кто я на самом деле. Думал, что я просто беженка из

знатного рода. Когда узнал правду... было поздно. Ты уже родилась. Он испугался. Решил, что если выдаст меня, то и сам погибнет. Поэтому молчал. Но он никогда не любил тебя.

Элария сжала кулаки. Она всегда чувствовала это. Холод во взгляде отца. Отсутствие тепла. Теперь она знала почему.

— А медальон?

— Это знак нашего рода. Знак лунной крови. Он должен был достаться тебе. Я хранила его все эти годы, боясь, что кто-то узнает. Но теперь... теперь он твой.

Элария коснулась медальона на груди. Тёплый. Живой.

— Матушка, — сказала она, — я должна кое-что тебе рассказать. О том, что было. В прошлой жизни.

И она рассказала. Обо всём. О том, как её изуродовали, как отравили мать, как убили брата, как сослали в монастырь, как сожгли. О том, как она вернулась. О том, что помнит каждую минуту своей смерти.

Иоланта слушала молча. Когда Элария закончила, она прижала дочь к себе. Крепко. Так, как прижимала в детстве, когда та боялась грозы.

— Значит, ты всё знаешь, — прошептала она.

— Да.

— И всё равно вернулась.

— Чтобы спасти вас.

Иоланта закрыла глаза. По её щекам текли слёзы.

— Ты не должна была страдать. Ни в той жизни, ни в этой. Я не смогла тебя защитить.

— Теперь я сама себя защищу, — сказала Элария. — И тебя. И Кайена. Клянусь.

Она выпрямилась. В её глазах горела решимость.

— Матушка, мне нужно знать всё. О Лунарии. О герцоге. О том, как его победить. Ты сможешь мне?

Иоланта посмотрела на дочь. В её взгляде были страх и надежда. Любовь и боль.

— Помогу, — сказала она. — Я расскажу тебе всё, что помню.

Она встала, подошла к комоду и достала оттуда старую книгу в кожаном переплёте. Книга была потрёпанной, страницы пожелтели от времени.

— Это дневник моего отца, — сказала Иоланта. — Последнего короля Лунарии. Здесь всё: история нашего народа, наши знания, наши тайны. И то, как победить герцога Кроу.

Элария взяла книгу. Она была тяжёлой — не только по весу, но и по тому, что в ней хранилось.

— Спасибо, — прошептала она.

— Будь осторожна, — сказала Иоланта. — Знание опасно. Особенно то, которое убивает.

Элария кивнула. Она спрятала книгу под плащом и направилась к двери. У порога обернулась.

— Матушка, — сказала она, — я не позволю тебе умереть. Слышишь? Ни в этой жизни, ни в любой другой.

Она вышла. Иоланта осталась одна. Свеча догорала, и тени сгущались в углах.

Она посмотрела на огонь и прошептала:

— Береги себя, дочка. Ты — наша последняя надежда.

* * *

Элария вернулась в свою комнату. Села на кровать, открыла дневник. Страницы были исписаны мелким, аккуратным почерком. Она провела пальцами по строчкам. Буквы были незнакомыми, но она понимала их. Лунный язык. Кровь помнила.

Первая страница гласила:

«Тот, кто читает это, — мой наследник. Знай: Луна не умирает. Она уходит и возвращается. Мы уходим и возвращаемся. Пока жив хоть один из нас, Лунария жива.»

Элария закрыла книгу. Прижала к груди. За окном светила луна. Полная, яркая. Она смотрела на неё и чувствовала, как что-то внутри отзывается. Что-то древнее. Что-то могущественное.

— Я вернулась, — прошептала она. — И я не одна.

В дверь постучали. Элария напряглась. Быстро спрятала книгу под подушку.

— Войдите.

Дверь открылась. На пороге стояла Мира. Бледная, с широко раскрытыми глазами.

— Леди, — прошептала она. — Там... там человек. У чёрного хода. Он говорит, что пришёл от принца. Говорит, срочно.

Элария встала. Сердце забилося быстрее.

— Что ему нужно?

— Он говорит, что принц ранен. Покушение. И ему нужна ваша помощь.

Элария схватила плащ. В голове пронеслось: рано. Слишком рано. В прошлой жизни покушение на принца было позже. Значит, что-то изменилось. Она изменила ход событий.

— Веди, — сказала она.

Она выскользнула из комнаты вслед за Мирой, и тени поглотили её.

Луна смотрела ей вслед.

Глава 5. Яд для двоих

Ночь встретила Эларию холодом и запахом гари.

Мира вела её через тёмные переулки нижнего города, мимо спящих домов и закрытых лавок. Где-то вдалеке лаяли собаки, и этот лай отдавался эхом в пустых улицах. Элария шла быстро, прижимая плащ к груди. Под тканью — дневник короля Лунарии. В голове — тревога.

Принц ранен. Покушение. Рано. Слишком рано.

Они свернули в переулок за ратушей. У чёрного хода аптеки Тибо стояли двое в тёмных плащах. Один — высокий, широкоплечий, с рукой на эфесе меча. Второй — сторбленный, седой. Тибо.

— Леди Элария, — прошептал аптекарь, хватая её за руку. — Скорее. Он внутри.

Она вошла. В подсобке, на старом тюфяке, лежал Кассиан. Камзол расстёгнут, рубашка пропитана кровью. Рана в боку — глубокая, опасная. Кто-то ударил его ножом, целясь в сердце, но промахнулся. Или принц успел уклониться.

— Ваше Высочество, — Элария опустилась рядом. — Кто это сделал?

Кассиан открыл глаза. В них была боль, но не страх. Он улыбнулся — криво, устало.

— Люди герцога. Я был на встрече с информатором. Засада.

— Почему вы не поехали во дворец? У вас есть лекари.

— Лекари герцога, — ответил он. — Все они — его глаза и уши. Я не могу им доверять.

Элария кивнула. Она понимала. Двор — это паутина. Каждый шёпот — донос. Каждый лекарь — потенциальный убийца.

— Это будет больно, — сказала она.

— Я привык.

Она положила руки на рану. Кровь была тёплой, липкой. Элария закрыла глаза. Тепло потекло из груди в руки — медленно, осторожно. Она чувствовала, как ткани срастаются, как сосуды закрываются, как боль отступает. Проклятие в Кассиане дрогнуло, потянулось к ней, но она оттолкнула его. Не сейчас. Сначала рана.

Через минуту она открыла глаза. Рана закрылась. Остался только тонкий шрам. Кассиан вздохнул глубже, и его плечи расслабились.

— Спасибо, — сказал он тихо.

Элария покачнулась. Мира подхватила её под руку. Голова кружилась, перед глазами плыли пятна. Ещё одна седая прядь — она чувствовала это по тому, как холодеет кожа у виска.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Тибо. — Немедленно.

— Некогда, — Элария выпрямилась. — Ваше Высочество, вы знаете, кто информатор?

Кассиан сел. Он двигался осторожно, но уже без боли.

— Да. Один из людей герцога, который решил перейти на мою сторону. Он сказал, что герцог готовит что-то большое. Что-то, связанное с Лунарией.

Элария замерла.

— Что именно?

— Он не успел сказать. Стрела в спину. — Кассиан сжал кулаки. — Но он произнёс одно слово перед смертью. «Наследница».

Элария почувствовала, как холодеет кровь. Наследница. Она. Герцог ищет её. Или уже знает.

— Вам нужно уехать из Нордвуда, — сказал Кассиан. — Сегодня. Сейчас. Здесь небезопасно.

— Я не могу. Мать. Брат.

— Я заберу их. Всех. В столице будет безопаснее.

— В столице — логово герцога.

— В столице — мой дворец. Мои люди. Моя защита. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Элария, если герцог узнает, кто вы, он убьёт вас. И всех, кто вам дорог. Вы нужны мне живой.

Она молчала. Она знала, что он прав. Но уехать — значит оставить дом. Оставить прошлое. Оставить мать, которая ещё не оправилась от яда.

— Дайте мне один день, — сказала она. — Я должна закончить дела.

Кассиан кивнул.

— Завтра вечером. Я пришлю карету. Будьте готовы.

Она встала. Мира поддержала её. У порога Элария обернулась:

— Ваше Высочество. В следующий раз, когда вас ранят, не ждите до ночи. Приходите сразу.

Он улыбнулся. Впервые — искренне.

— Я запомню.

Утро пришло слишком быстро.

Элария вернулась домой под утро, едва держась на ногах. Мира помогла ей раздеться и уложила в постель. Но спать не пришлось. Уже через час в дверь постучала горничная:

— Леди Элария! Ваша мачеха приказала всем собраться в столовой. Срочно.

Элария села. Голова гудела. Она знала, что это значит. Мачеха что-то задумала. После вчерашнего скандала она не могла оставить всё как есть.

Она оделась. Выбрала платье с длинными рукавами, чтобы скрыть дрожь в руках. Заплела волосы так, чтобы седые пряди не бросались в глаза. И спустилась.

В столовой собралась вся семья. Виконт сидел во главе стола, мрачный. Мачеха — справа, с улыбкой, которая не касалась глаз. Селина — слева, бледная, с красными глазами. Кайен стоял у окна, скрестив руки.

— Садись, Элария, — сказала мачеха. — Мы должны поговорить.

Элария села. Она смотрела на мачеху и ждала.

— Вчера, — начала Марбелла, — ты обвинила меня в страшных вещах. При всех. Ты опозорила меня перед гостями. Ты назвала меня отравительницей.

— Я сказала правду.

— Правду? — Мачеха усмехнулась. — Ты бросила на стол какой-то порошок и заявила, что это яд. Но кто подтвердил это? Твой аптекарь? Бродяга, который торгует снадобьями на задворках?

— Мастер Тибо — уважаемый человек.

— Мастер Тибо — старик, который готов продать что угодно за монету. — Марбелла наклонилась вперёд. — А ты, Элария, — ты ведьма. Я видела, как ты лечишь. Я видела, как твои раны затягиваются за минуту. Я видела, как ты шепчешь над чашками. Это колдовство.

— Это не колдовство.

— Тогда что? — Мачеха встала. — Откуда у тебя эти способности? Ты родилась обычным ребёнком. А теперь... теперь ты другая. Что ты скрываешь?

Элария молчала. Она не могла сказать правду. Не здесь. Не сейчас.

— Я ничего не скрываю, — сказала она ровно. — Я просто выросла.

— Ложь! — Марбелла ударила ладонью по столу. — Ты лжёшь! И я докажу это. Я вызвала священника. Он проверит тебя. Если ты ведьма — тебя сожгут.

Кайен шагнул вперёд:

— Вы не посмеете!

— Посмею, — отрезала мачеха. — Ради безопасности семьи. Ради Селины. Ради всех нас.

Селина всхлипнула. Виконт молчал, глядя в стол. Он не собирался вмешиваться. Он никогда не вмешивался.

— Священник будет здесь к вечеру, — сказала Марбелла. — А пока — ты будешь сидеть в своей комнате. Под замком.

Элария встала. В её глазах горело пламя.

— Вы не запрёте меня.

— Запру, — мачеха кивнула страже. — Отведите её.

Двое слуг шагнули к Эларии. Она отступила.

— Не смейте меня трогать.

— Элария, — голос отца. Тихий, усталый. — Иди в комнату. Пожалуйста.

Она посмотрела на него. На человека, который должен был её защищать. Который продал её Дарвику. Который молчал, когда её мать травили. Который смотрел в сторону, когда её били.

— Вы трус, — сказала она. — Жалкий, никчёмный трус.

Виконт побледнел. Мачеха улыбнулась.

— Уведите её.

Слуги схватили Эларию за руки. Она не сопротивлялась. Только смотрела на мачеху. Смотрела так, что та отвела взгляд.

Её отвели в комнату и заперли. Ключ повернулся в замке. Шаги стихли.

Элария осталась одна.

Она сидела на кровати и смотрела на дверь.

Вечер. Священник. Проверка. Если он найдёт знак на её запястье — конец. Если найдёт дар — конец. Если найдёт медальон — конец.

Она должна была уйти. Сегодня. Сейчас. Но дверь заперта. Окно — высоко. Прыгать — самоубийство.

Она встала, подошла к окну. Внизу — сад. За садом — стена. За стеной — свобода. Но между окном и землёй — три этажа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.